

письмах к брату. Но эмоциональность эта, как правило, несколько агрессивная, экспрессивная. Он использует множество конструкций в императиве, большое количество восклицательных предложений, пользуется обращениями, которые вполне можно было бы расценить как обидные и даже уничижительные;

— наименьшее количество доминантных сфер наблюдается в переписке с А. С. Сувориным. Их всего две — «Здоровье» и «Искусство». Такое распределение слов мы связываем с тем, что Чехов был достаточно закрыт для обсуждения с Сувориным вопросов, не связанных с литературой и театром;

— сфера «Здоровье» оказывается представленной в переписке со всеми четырьмя адресатами. Такое внимание к этой теме обусловлено постоянной борьбой Чехова с болезнью, которая преследовала его с детства и до последних дней жизни.

Целостное представление об идиостиле писателя складывается из многих факторов. Проведенный анализ с применением количественных методов, безусловно, дает объективные и порой скрытые на первый взгляд сведения об идиостиле писателя. Однако не стоит забывать и о традиционных методах исследования, без которых невозможна интерпретация текста.

© А. А. Чувакин
АлтГУ, г. Барнаул

ЯЗЫКИ КОММУНИКАЦИИ В ТЕКСТЕ **(по материалам современной журнальной прозы)**

Рассуждения Р. Барта: «Подобно тому как гул машины есть шум от бесшумности, так и гул языка — это смысл, позволяющий слышать изъятость смысла, или, что то же самое, это не-смысл, позволяющий услышать где-то вдали звучание смысла, раз и навсегда освобожденного от всех видов насилия <...>, от знака» [1], истолкованные применительно к речи любой фактуры и, более того, в проекции на любую коммуникативную систему (что как будто не противоречит философии и семиотике Барта середины 1970-х гг.), позволяют выдвинуть предположение о том, что при схождении и взаимодействии в тексте разные коммуникативные системы созда-

ют «гул» функционально более наполненный, чем средства одной коммуникативной системы, даже если это естественный язык.

При исследовании текстов современной журнальной художественной прозы обнаруживается многоязычие как ее характерная черта. Оно возникает как знак присутствия в речевой партии персонажа и-или повествователя средств двух и более коммуникативных систем — естественных, искусственных, параязыков, кинетических, языков культуры и др., а также смешения языков. Каждая коммуникативная система, участвуя в осуществлении текстовой коммуникации, имеет статус языка коммуникации.

В данной работе на материале рассказов, опубликованных в журнале «Новый мир» (2010–2013 гг.), рассматриваются некоторые вопросы взаимодействия языков коммуникации в тексте, преимущественно в структурно-семантико-функциональном плане.

В новомирской прозе выделяется две группы рассказов.

В рассказах, в художественно-речевой структуре которых доминирующее положение занимает речевой слой персонажа, «пересозданная» устно-разговорная речь сопрягается с различными языками коммуникации — разговорно-просторечными: *Девочка не шелохнулась. Зато из окна на первом этаже высунулась голова в бигудях и неприязненно каркнула: — Эй, фрау! Чё надо?* (Н. Ключарева. Тихий ужас); западноевропейскими: *Однажды, когда мне стало все труднее называть ее по имени-отчеству, а обращаться просто по имени, несмотря на ее предложение, я все не решался, она с ухмылкой раздражено предложила: — Зови меня Fräulein von Staden* (В. Вебер. Очки Шуберта) и др. Персонажи своими многоязычными диалогами «откровенно выставлены, — как заметила когда-то М. О. Чудакова [2], — на обозрение читателю». Средства разных языков относительно свободно перемещаются из персонажного в речевой слой повествователя, что незримыми нитями связывает его с персонажами.

В рассказах, в художественно-речевой структуре которых господствует речевой слой повествователя или только он и имеет место, замечен «личностный» язык повествователя, сотканный из многочисленных средств различных языков коммуникации, в том числе устно-разговорного и книжного, русского и иностранных, языков разных жанров (писем, объявлений, словаря и др.) и профессий и др. (Е. Шкловский. Невидимка и Беатриче; А. Краснящих. Антибиблио-

тека-2; К. Драгунская. Куртка Воннегута и др.). Персонажная речь, тем более в диалогической форме, здесь минимальна и получает статус смыслового центра текста. Так, герой рассказа В. Щигельского «Невидимка» лишен права на общение с людьми; единственный в тексте диалог — молодого человека с девушкой (а это центральный диалог человеческой жизни!) — принадлежит не герою, а «кому-то другому»: герой «проживает жизнь не собой, а случайной комбинацией персонифицированных понятий и штампов».

Многоязычие во многом служит знаком новой художественной реальности, более широко открывает свои тексты конкретному читателю в конкретном пространстве — времени. Решению этой задачи способствуют средства параязыка. Таковы выделение фрагмента текста при помощи курсива: *Спустя еще час, он в третий раз звонил приятелю и спрашивал, что же с ним все-таки было? Что со мной было? Тот терпеливо и сострадательно объяснял: да, его развели <...>* (Е. Шкловский, Зеркало), прописных букв: — *Подальше от них. Ты лучше ПИШИ. — Хорошо. — Иди. — Спасибо. — Иди и ПИШИ. — Хорошо, спасибо* (А. Гаврилов. Иди и пиши), использование рисунков как составляющей текста (О. Зоберн. Пацанский гримуар), графических сокращений: *БАМ, СССР, КПСС, Фестиваль ЛУЧШИЕ ГИТАРЫ БАМа!, ВИА* (С. Костырко. Перевод с корейского), даже купюр (Я. Дубинянская. Наследник: повесть с купюрами). Перечисленные средства представляют собой своего рода коммуникативное замещение диалога персонажей, являясь собой обращением к читателю.

К числу средств параязыка отнесем и фрагментирование текста посредством разбиения его пробельной строкой (в редком из рассказов пробельных строк нет) или внутритекстовыми заголовками, т. е. фактически создание составного текста. Можно предположить, что «языки расчленения» активизировались под влиянием коммуникации в Интернете. В этом же эстетико-коммуникативном русле находится и короткий абзац, тем более если он присутствует плотными блоками, что встречается довольно часто. Тем самым активно привлекается ассоциативная составляющая коммуникативной деятельности читателя, стимулируется замедление или даже остановка чтения во имя осмысления прочитанного, размышления, частичной интерпретации текста.

Примечания

1. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 543.
2. *Чудакова М.* Заметки о языке современной прозы // Новый мир. 1972. № 1. С. 233.

© П. Е. Шелегин
УрФУ, г. Екатеринбург

ФЛЕЙМ И ЕГО МЕСТО В ПАРАДИГМЕ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ РУНЕТА

Разнообразие способов общения в Интернете в совокупности с безнаказанностью девиантного поведения приводят к созданию большого количества типов конфликтных ситуаций. Самые распространенные из таких ситуаций — флуд, флейм, спам, оффтоп и троллинг.

Флуд (от англ. flood — наводнение) — размещение бессмысленных сообщений или однотипной информации на форуме. В более широком смысле флуд — большое количество лишней информации на форумах (неуместной или бессмысленной) или любая начатая дискуссия не по теме в блогах.

Оффтоп (от англ. off topic, букв. «вне темы») — размещение сообщений, не соответствующих теме обсуждения. Оффтопом также называют размещение веток сообщений в не соответствующих их теме подразделах форума. Его не следует путать с флудом, так как он не предполагает большого количества сообщений «не в тему».

Спам — нежелательное рекламное письмо либо совокупность писем; в широком смысле — любая разновидность массовой неприцельной рекламы: сообщения на форумах, содержащие рекламные ссылки, рассылка листовок, буклетов, «повесток в военкомат» в реальные почтовые ящики и т. п. [1] В связи с использованием пользователями ботов (программ-спамеров) для массовых рассылок одинаковых сообщений модератор форума может ограничить использование спама введением особых средств проверки пользователя «на компьютер», например, спам-фильтры, капча, черные списки и т. д.

Троллинг — публикация заведомо провокационных сообщений с целью вызова волны флуда, флейма, оффтопа, получения нега-